

Анатолий Викторович
Давыдчик

Таджикистан

Анатолий Давыдчик

Таджикистан

«Издательские решения»

Давыдчик А. В.

Таджикистан / А. В. Давыдчик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516413-1

«Таджикистан» это повесть о парнях 149-го полка в Кулябе, о тоске и беспросветности военной службы. Много юмора и настоящей правды. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-516413-1

© Давыдчик А. В.
© Издательские решения

Таджикистан

Анатолий Викторович Давыдчик

© Анатолий Викторович Давыдчик, 2020

ISBN 978-5-0051-6413-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Пойдёшь в пехоту! – дурниной орал на меня мой новый «отец родной» – подполковник Миненков. Я же, одуревший после перелета на Душанбе, и многочасовой тряски на Урале по серпантинам, потерял вообще всякую субординацию орал в ответ:

– Да я в гробу видел вашу пехоту, она мне в Чечне поперёк горла стоит! Я – сапер, и пойду в саперную роту!

.– Ну и пошёл вон отсюда, иди в свои саперы, и чтоб я тебя не видел!

На этой весёлой ноте я выхожу из штаба, всех уже разобрали, стою один, как придурок, жду. Можете, блин, поздравить – я в славном городе Кулябе, и до сих пор понял лишь одно, – пьянка с военкомом чревата необычайно веселыми приключениями. В расположении полка все как умерли, тишина. Наконец-то замечаю бегущего бойца.

– Ты в саперы? – вместо «привет» спрашивает меня боец.

– Пошли тогда... Пока топали до самой отдаленной казармы, построенной ещё, если верить слухам, самим Буденным во время басмачества, новый сослуживец Иванов Вовка, рассказал мне все прелести жизни в Кулябе. Выходило, что тоска смертная. Возле казармы меня ждало нечто под два метра ростом.

– Старшина Горина, – пожал он мне руку, – просто Костя, и спросил :

– Надолго?

– Как пойдёт, – пожимаю плечами.

– Ну, пошли, – кивает он мне, в итоге мне досталось место в кубрике на восьмерых, ложка, ибо это главное, что нужно было в армейской службе в Кулябе, и после Костя позвонил по неизменному тапику куда- то, и после фраз, «охренел, сапоги, берцы,» и «пошёл он в жопу», я понял, что я дома.

Тенерича, на склад пойдём, там с берцами засада, дают сапоги, но сапоги мы толкнем бачам, за берцы с подъемных отдашь, давай быстрее!

Пока шли, я замечал у казармы в курилках одно- два ленивых тела, но это фасад, как и предполагалось, основная жизнь кипела за казармами. Наконец, после нехитрых манипуляций, Костя выдал мне все, даже вещмешок со всякой ерундой и напутствовал:

– Это на строевые смотрю.

????? Я завис.

– А ты что хотел?

– Тут, брат, театр, не скажу каких военных действий, но театр точно, – смеётся старшина.

– Тут с тобой новый ротный и взводный прибыли, те вообще пиджаки с дорожного, – продолжает угорать Костя.

– Ладно, пошли к нашим.

Заходим, наконец, за казармы, там душ, цистерна от водовозки на криво приваренных балках, и полуголые тела.

– Привет, мужики, – здороваюсь я. Тут уже, благодаря Вовану, все были в курсе. В результате беседы выяснилось, что сапер, по сути, я один, остальные не то, что не саперы, даже в теории далеки.

– Автомат брать будешь? – спрашивает меня Орябинский, тоже сослуживец, походу.

– А надо? – вопросом на вопрос отвечаю я.

– А хрен знает, я бы не брал, – лениво цедит Вовка Плавин.

Я не успел ничего сказать, как в казарме послышался грохот чего-то падающего.

– Это «полупокер» падает, он каждый вечер падает, – философствует Женька Устьяхин, он же «боцман»,

– Ему бабы, наверно, снятся.

– Читать любишь?

– В смысле, – недоумеваю я...

– Вечером почитаем – говорит «боцман»,

О, блин, ещё одно чмо идёт, внезапно говорит мой собеседник.

К нам подходит прапорщик, как истинный сын Азии, в нем все блестит, даже лоснящаяся от собственной важности, морда, на груди два знака гвардии, один- нового, второй -старого образца.

– Знакомься, Толян, -говорит Вовка Иванов,

– Это прапорщик Мамедов, чмо редкое, любимое слово «виебу»,

– А так как виебать, -передразнивает его Вовка, нечем – бегаешь стучать в штаб.

– Иди на хуй, полудурок, – это уже к прапору, однако тот подходит и, скалясь во весь рот начинает:

– Я тибя виебу, Иванов, ти поняль?

– Да понял он, понял, иди отсюда, не мешай, – выпроваживает его Плавин.

Тут не Чечня, тут ёбнуться можно, продолжает Володька Иванов,

– Вон, блин, сидим, ничего не делаем, пехота хоть на границе стоит, а мы и в караулы не ходим, Миня запретил.

В это время Плавин заорал:

– Сайдали, иди сюда, урод кривоногий! И через минуту перед нами нечто круглолицее кривое и мелкое.

– Знакомься, Толян, это- Сайдали, наш личный дилер, маклер, короче, что надо у него купишь, он и в долг даёт.

– Плавин, ты мне должен, -чётко выговаривая каждое слово, говорит наш барыга.

– Да иди ты на хуй, – парирует Плавин,

Буду в патруле пристрелю.

– Чем, палкой? – резонно говорит «сандаль», как называют Сайдали наши.

– Араки дори? -ухмыльнулся и спросил «боцман».

– Есть, есть, арака, – Сайдали, казалось, был счастлив от того, что он важный человек.

Неси давай и запиши на меня, говорит «боцман» и продолжает:

– Много не пиши, а то я тебя, курву, знаю.

Сайдали, набрав заказов в блокнот, и денег с кого мог, исчез за забором, патрульные у забора лишь лениво проводили его взглядом.

– Щас на вечеруху сходим, и по газам, – говорит «боцман».

– Ты на ужин пойдёшь?

– А что там? – любопытствую я.

– Бигус, – произнёс Женька,

– Это вонь такая, что мухи на подлете падают. Пока я думал, подошёл ещё один прапорщик, и сразу с ходу:

– Слушай, чо за страна такая, иду, веревка лежит, я верёвку пнул, веревка пополз, – прапор возмущается до предела.

– Знакомься, Толян, прапорщик Дургорян, просто ара, хороший мужик, – знакомит нас «боцман».

– А веревка -это желтопузик, их тут как грязи, ну а теперь пошли что ли пожрем, а там «сандаль» подгребет. В столовую пришли, соблюдая видимость строя, ну и это не главное,

нагрузив подносы всякой ерундой, с виду не очень питательной, но запредельно вонючей, сели за дальний столик. Есть не спешили ждали ещё двоих, они сегодня патрульные, наконец-то подходят двое. Первый убил наповал: в кроссовках, а штанины в носках, второй – маленький, и по всему глухой, вообще супер.

– Валера, Лёша, – представились они и сели за стол, Валера, посмотрев по сторонам вынул флягу,

– Ну, за знакомство...

Первый день мой начался, ладно, поживем – увидим, но ощущение того, что я вообще зря сюда припёрся, не покидало.

Ответственный сегодня Костя старшина, – заметил Валера,

– Так что, новенький, пойдём в город.

Не понял, а что можно? опеншил я.

Нужно, уже в открытую хохочет Валера,

– Мы тут в хуй не тарахтели, мы – саперы. Я киваю, на что он продолжает:

– Пойдём через второе КПП, там химики сегодня, так что ништяк, парни.

Вскоре притопали на плац, жара спала, цикады не пели, они орали. Костя отрапортовал, мы промаршировали по плацу, и в роту. За ротой стоял Сайдали с пакетами.

– Все, это на утро, водку, оставим «полуносу», проснется вскоре, – говорит «боцман», и в подтверждение слов, раздается грохот падающего тела.

– Второй раз, – меланхолично замечает Женька,

– Короче, пока ещё пару раз не ебанётся, не успокоится.

Итак, я уже в первый день влетел Сайдали на бабки в размере шести сомон, на мой вопрос: «это сколько?», глуховатый Леха Кабанов прояснил:

– Курс восемь и пять, отдашь сотню наших, он восемь сомони, пятьдесят дирам, разберешься, не маленький.

– Ну чо, погнали, -командует Валера,

– Денег не берите, ограбят бачи вонючие. Мне предстояла вылазка в ночной Куляб.

По старой советской традиции, перемахнули через забор, и вот мы в ошхане, как раз между частью и местным тубонарием. Валера царским жестом приглашает за стол, непонятного возраста особь женского пола собрала на стол, естественно под запись.

Э, Гринна, по-русски назвав хозяина, с трудом выговариваемым именем крикнул Валера,

– Зарплата у нас когда?

– Ака Валера, е, сначала «танкачам» дают, е, потом вам, ти помнишь? -отозвался тот, приторно улыбаясь.

– От сука, все они знают, улыбается Валера, и продолжает:

– Не ссы, солдат арбуза не надует, будут тебе бабки, хрен утащишь.

Пока выпивали да закусывали, меня просвещали в детали местного быта и жизни.

~~Ты, Толян, главное дыню водой не запивай, а то потом земли касаться на дальнем не будешь, е видом знатока говорил «боцман», а пиво местное не бери, у них либо «васесевское», либо «гисарское» и то, и то говно, – закончил он свою мысль. За соседний стол вдруг приземлились офицеры нашей части, судя по всему пехота, я малость напрягся.~~

~~Забей, говорит мне Валерка,~~

– Это – норма, тут никто, по сути, на хрен никому не нужен. Хотя, боятся нас, и это хорошо, а то придумали себе, «вытчики», «юрчики», хуета они, а не рембы, – смеётся мой новый товарищ.

Наконец, поужинав, решили прогуляться по городу, в целях экскурсии. В пятиэтажных домах, перед подъездами, были груды мусора, вонь стояла невероятная, несмотря на ночь. С третьего этажа высунулась местная бачушка и пофиг дым, ведро помоев вылилось прямо на улицу.

– Хуя все -, только и смог я сказать.

– Привыкнешь, -хохотал в полный голос « боцман», Орябинский который молчал до поры до времени, вдруг сказал:

– А хули вы хотите, это же звери, всех выселили, как же, свободная нация, сомониды хуевы, а теперь, – и он махнул рукой.

Ты чего? окликнул он меня, а я же стоял возле большого куска фанеры с надписью чёрной краской большими кривыми буквами « РАССЕЙСКИЙ СОЛЯР, МАМОЙ КЛЯНУСЬ», из ступора меня вывел « боцман,»:

– А, это нормально, пошли там до рынка ходим, чё покажу.

Мы шли по городу, и сказать, что я охреневал – ничего не сказать, из окон квартир торчали и дымили трубы буржук, от деревьев только пни, на весь Куляб – два работающих светофора, причём оба красным светом. Все правильно, когда из Таджикики уехали, вернее бежали все те, кто их угнетал в их понимании, в пустующее жильё въехали так называемые « кишлачники» -, самое убогое сословие, по сути дикари, и вот тебе на, ни света толком, ни воды, ни газа, ни канализации. Зато свободы- до жопы. На рынке, «гульчике» по – нашему а по- ихнему гульчаконе, нас сразу окружили местные аборигены.

– Хай, зема, че тиби надо?

– Висё есть! – наперебой предлагали свой товар бачата. И тут отличился «боцман». – Туфли есть? – спрашивает он у самого наглого и приставучего таджика.

– Есть, конечно, есть, какие надо? – радостно суетится тот.

– Пиздатые есть? – убивает его вопросом «боцман»

– Это... зема, пиздатых туфель нэт, – огорчается продавец.

– А какие есть? – даёт ему надежду «боцман», секундная пауза и продавец, задрав палец вверх довольно отвечает:

– Охуительные туфли есть! – мы взорвались от хохота.

– Это ещё что, – говорил сквозь смех Женька «боцман»,

– Поживешь тут, совсем кукушка уедет..

Не успев просмеяться от этого курьеза, как вторая серия.

– Э, Али бек,! -орёт кто-то через весь гульчакон,

– Синька есть?

С трудом догоняю, что синька нужна при побелке, и жду с нетерпением ответа, и он пришёл.

– Есть! – кричит вышеназванный Али,

– Какой цвет? МХАТовская пауза и из темноты крик:

– Как какой цвет?, Белый, еп твою мать... – нас согнуло пополам..

– Все, парни, – сквозь слезы говорю я,

– Пошли домой, я этого не переживу.

~~Пошли, так пошли, говорит Валера,~~

– Шас, сигарет купим и до роты. Перепрыгнув через забор, встретили наш патруль:

Здорово, санеры, приветствуют они нас,

– Ваш новый ротный бегаёт, народ собрать не может.

А ты его не послал? невинно интересуется Валерка.

А толку то, он у вас, один хрен, пиджак, а старшина ваш давно к своей блядёшке свалил, так что идите, только карий глаз пяткой прикройте, ипать будут- говорит один из патрульных. Ладно, доходим до казармы, низкорослый старлей носится по казарме, чем потешает личный состав «зенитки», «танков», и «связюков», наших соседей по казарме.

Вы где были? с места в карьер начинает ротный.

– Где, где, – говорит Валера,

– Жрать ходили.

Кто отпущал? не успокоится ротный никак.

– Дык, совесть, наша, мы вот на радостях и пошли, – Валера явно издевается.

– Ладно, примирительно говорит Нестеров,

– Построение в семь, подъем в шесть, там поговорим..

На этом мы расстались. «Цирк отдыхает» – подумал я, проваливаясь в сон, в полной духоте.

Утреннее построение прям таки порадовало своей новизной в плане того, что вообще никто на него не вышел. Вовка Иванов носился по казарме озадаченный своими проблемами, новые ротный и взводный ничего не понимали, ибо личный состав уже успел сходить в столовую, отметить, и теперь мы сидели в курилке и наслаждались утренней прохладой.

– Пошли на развод, – вдруг говорит высокий рыжий лейтенант, не весть откуда- то взявшийся.

– А потом будем думать, чем вас озадачить. Наконец и Нестеров, поняв и осознав, что он – командир нашего стада, решил проявить все лучшие командирские качества.

Становись! рывкает он. Ладно, построились, смотрим что дальше, а дальше... Он достаёт список личного состава и зависает, ибо количество тех, кто в списке и тех, кто на лицо, просто катастрофически не совпадает.

– А где..? – тупит ротный.

– Дай сюда!, -рыжий забирает список, и бегло смотрит на строчки и возвращает ротному.

– Все верно, Нурик и Алишка в девять придут, Костя и Валера в городе у баб, остальные вроде тут, ах да, двое ещё, в парке, по крайней мере, должно быть так..

Это же самоволка!, начинает возмущаться ротный. Рыжий, как мне шепнули, по фамилии Медведев, смотрит на ротного как на больного и терпеливо объясняет:

– Тут, главное, Лёша, чтобы вечером на построении были, и в командирский день, остальное – до пизды, дрозды и галки, ты лучше думай, чем озадачить народ, ибо саперы в караулы не ходят, на границу только на смену, так в патруль с дубинками и все, так что думай. После секундной паузы ротный произносит:

– Левое плечо вперёд, шагом марш, – и мы пошли, на плацу стояли наши доблестные подразделения, и судя по составу, таджикские подразделения.

Удобно устроились, суки, шепчет, догнавший нас Вовка Плавин,

– Купили паспорта, типа русские, и на контракт, а наши и довольны, как мамонты.

– И до хрена таких? -любопытства ради спрашиваю я.

– А как грязи, -отвечает Вовка. За стендами продолжался перекур, офицеры скучковались у трибуны, асфальт покрывался зелеными пятнами от насвая, рутина, мать её. Минут через десять, нас распустили и мы притопали в роту.

– Значит так, -обратился к нам ротный,

– Никто никуда не расходится, сейчас будет занятие по минному делу, всем иметь ручки и тетради. «Хуя все», – мелькнула у меня мысль, надо решать проблему.

Подхожу к ротному и спрашиваю:

– Товарищ старший лейтенант, тут хрень такая, освободите меня от занятий?

– Это почему? – слегка удивляется тот.

– Да у меня опыта, как грязи и наград, как у призовой собаки на выставке, тем более, вы с дорожного института, а я- сапер, авторитет на кой мне ваш подрывать? Ротный врубается быстро, поэтому предлагает:

– Иди в канцелярию к Панасенко, он придумает, что делать. И началась учёба, сидя в канцелярии и обсуждая творчество Шнура с командиром второго взвода Сергеем Панасенко, я иногда слышал обрывки учебного процесса. Мне было грустно, готовились спецы одноразового применения, пиджак- дорожник, сам не зная и не понимая, по учебнику времен Наполеоновских войн, рассказывал о ПОМЗах, которые давно сняты, но постоянно валяются на складах. Тупо читая об установке и снятии, о ТТХ, и прочем, ротный не забывал, однако, следить, чтобы цифры были написаны красной пастой, а аббревиатура зелёной. «В этом и есть наш сакральный смысл», подумал я, наливая очередную кружку чая. А тем временем, к нам в канцелярию припёрся аж целый подполковник.

– Здорово всем! – поприветствовал он нас,

– Ну что, господа офицеры, – видимо принимая мою охреневшую рожу как минимум за офицера тоже,

– в преф кто играет? -Панасенко, пожав плечами, ответил:

– Не, мы – нет.. А у меня в голове мелькнула шальная мысль..

– Я умею..

– Ты? – недоверчиво смотрит подполковник.

– А чё, из под вистуза с туза, из под игрока с семака, начинаю я сыпать прибаутками преферансиста.

Шарит! выносит вердикт подпол, и облегченно вздыхает:

– Значит вечером жду тебя в штабе..

Товарищ подполковник, обращается Панасенко,

– Сержант только недавно прибыл и без разрешения ротного...

Ты дурак, старлей? прям в лоб задаёт ему вопрос подполковник,

– У нас пуля, понимаешь пуля? – по всему видно, что взводный не догоняет, но молчит.

– И если он, – при этом палец подпола упирается мне в грудь,

– Вечером не прибудет в штаб, то ты, с вашим ротным, будете там жить вечными дежурными. После этих слов подполковник резко выходит из канцелярии. Повисла неловкая пауза, разрядил её только Медведев:

– Зачем комбат «танкачей» заходил? – спрашивает он с порога. Я вкратце объясняю, но рыжий перебивает:

– Дуй в штаб, хули тебе тут делать, я личное дело листал, вообще не понимаю, за каким хером ты приехал?

«Служба началась», – подумал я, и правда, на кой я сюда припёрся...

Утром, вернувшись после преферанса, одуревший от коньяка и сигарет, я хотел было завалиться спать, но не тут – то было. Небольшое отступление, помимо одичавших коров и ишаков, по Кулябу носились беспризорные собаки, которые плевать хотели на субординацию и выслугу лет. Чем, кстати, раздражали нашего командира полка., а так как он человек основательный, то прежде всего родил приказ, который гласил. « Поймать собакенов, и измазать краской», чтобы отследить пути входа и выхода на территорию части. Столь ответственную задачу поручили саперной роте, а именно, старшему лейтенанту Нестерову. Ротный в состоянии прострации прибыл в роту и первым делом велел разбудить меня и прибыть в канцелярию. Что я и сделал, вместе с Вовкой Ивановым мы стояли и с вождением смотрели на трехлитровую банку с чаем, а ротный просто выражался междометиями..

– Ну?, И,?, Как?, А я..., А они..И вот, ну?

– Ловить будем, – авторитетно заявляет Вовка, будто всю жизнь этим занимался,

– Краска то есть? – ротный кивает и, наконец, говорит связную фразу:

– Купить надо.

– Охренеть, однако, как весело, – вставляю я свою реплику. Если бы парни знали, чем я буду заниматься...

– Дальше – больше будет- говорит Вовка и, как выяснилось впоследствии, он оказался прав. В общем, пока суть да дело, взводный Панасенко сгонял на гульчакон и припёр банку половой краски, хотя судя по содержанию, там вообще была хрень какая-то, но на банке была надпись этой же краской «для пала и паталка», исходя, что написанному – верить, решили, что нам ли не похер, а мнение собак как то не учитывалось. После ужина ротный убыл в штаб для уточнения и наставления. Ровно в девятнадцать ноль – ноль войсковая операция началась. От штаба взлетела красная ракета, со стороны парка тоже, а вот со стороны второго КПП ракета

увистела на гульчакон, чем порадовала местных аборигенов. КПП были закрыты, хотя в щель под воротами не только собака, БТР можно было проташить. Растянув маск. сеть, из угла в угол по территории носились бойцы гвардейской саперной роты. Леха «кабан» со щупом, как с копьём бегал и пытался направить собак в сеть. Те, в свою очередь, воспринимали как игру и, ловко увертываясь, в сеть никак не хотели. Бестолковые, в общем. Пришлось просить добровольцев, коих, одуревших от безделья, нашлось немало. Вскоре территория части гудела, как улей.

Все помогали, в основном советами, каждую из пойманных собак, в количестве трех штук доставляли к штабу, где отцы – командиры с чувством глубокого удовлетворения наблюдали, как ротный Нестеров мазал квачом бедных собак. На последнюю и вовсе была вылита вся краска, правильно, ибо не фиг. Но впереди ждала вторая серия, мстя, как говорится, пришла откуда не ждали. После вечернего совещания, где командиру инженерно- саперной роты был объявлен выговор за недостаточное количество пойманных тварей, наш «отец родной» отправился через КПП к машине, чтобы убыть в ошхону для разработки стратегических планов развития и расширения, и дум о судьбах Родины в компании полковых медичек и друга начмеда, майора Давлятова. И тут, свершилось то, с чем по разрушительности последствий, даже убийство Кеннеди было, как детский лепет. В открытую дверь КПП, шмыгнула вымазанная краской собака, одна из тех трех бедолаг, а так как проход на КПП узкий, плюс турникет, на новом парадно- выблидовочном камуфляже комполка появились пятна краски. Бедные парни из хим. взвода, простились мысленно с жизнью. И разверзлись небеса...

Командира взвода сюда, и Нестерова!!! этот вопль был слышен даже в парке. Мгновенно возле командира материализовался командир химиков, маленький чуть больше полутора метров худенький старлей и наш ротный. По итогам монолога выяснилось, что жертвы аборта в лице наших командиров поедут лично туда, откуда появились на свет, а то что они и их родственники и будущие их дети, хотя от гандонов детей быть не может, по гроб жизни теперь обязаны, это вообще мелочи. И теперь начальнику рава велено взять из разведки снайпера и выдать ему патроны, из учёта сдачи одна гильза – одна собака, и теперь ни одна сука пусть не мечтает даже об отпуске и так далее. Когда ротный прибыл в казарму, мы все ждали его в курилке, рядом журчала вода в мини – бассейне, мы молчали, лишь Вовка Плавин был рад до ушей.

– Кто собаку готовить умеет?

– Казан есть, если что, делать то все равно нечего... – отказались почти все, кроме него, вписался только я, «боцман» и Вовка Иванов. Ротный восторга не разделил.

Блядь, как эти два года тут проторчать? Ещё месяца нет, а уже выговор и сбут, как коту немойного, сокрушался Нестеров.

– Не ссы, Леха, – успокаивает его Медведев, дураков ебать -только хуй тупить. На этом решили ждать второй серии, ибо нашего папу оскорбили, а в лице папы все министерство обороны, а папа обиды не прощает.

Итак, грустное утро, я так и не мог выспаться, духота не давала покоя, многие из наших мочили простынь в холодной воде, укутывались и спать, но огромный риск туберкулеза как – то не располагал меня к таким экспериментам.

Грустный снайпер Леха из развед. роты уже сидел в курилке, рядом с ним стояла СВД с инвентарным номером и отстегнутым магазином.

Привет, чё грустим? поздоровался я с ним.

– Да ну их на хуй, – выругался снайпер,

– Полночи за инструктаж расписывался, потом ключ от оружейки проебали, пришлось на гульчике заказывать, два раза заявку на патроны писали, чтобы по форме было, теперь ротный бегаёт, подписывает, а начальник склада только к девяти придёт, он с женой в городе живёт, ему вообще похуй.

Ну, а как ты хотел, война же, подначиваю третьим я его.

– И не говори, – вздыхает тот. Возле нас появилась пара разведчиков.

– Здорово всем, – угорают они по полной,

– Нас ротный послал, чтобы ты винтовку не проебал, да гильзы собрать.

Охренеть, только и мог сказать я на это.

– Лис, остаешься в роте, на построение не идёшь, – командует взводный Медведев, будешь с разведкой, мало ли че.

– Тащ, старший лейтенант, -обращаюсь я,

– А нам танк дадут?

– На хуя? – отвечает взводный вопросом.

– Ну как же, мало ли что, всякое может быть, -злюсь я, хотя кажется пора привыкать.

– Шас покруче будет, – улыбается взводный, и началось. После построения, весь свободный личный состав загнали по казармам, связисты вытащили рации, причём сто пятьдесят девятые, нам, то есть особо допущенным к операции, дали белые повязки, принесли ворох бумаг, в которых нужно было поставить роспись, и началось. На заборах тем временем сидели бачата, как грачи и явно наслаждались зрелищем. « Хр... Бр... Отов... х... й..ачали...» -прохрипела рация, и началось. Я со снайпером Лёхой выбрал позицию у нас за казармой. Третьим к нам прибился «боцман», который, оглядев всю позицию, протянул :-« Понятненько», и исчез, через пару минут появился с Сайдали:

– Значит так, – объяснял Женька,

– Араки, две, лепеху, дыню, и сигарет, запишешь на «кабанчика», он шас подойдёт.

Э, «боцман».., Э.. Когда деньги отдашь? ныл Сайдали.

– Иди в жопу, получка будет – отдам, -отмахнулся от него « боцман». Наш барыга вздохнул и исчез. В общем, пока разведка прочесывала городок в поисках собак, мы за казармой выпивали и закусывали. Вражеских собак не было, но тут за казарму выбежала личная шавка жены зампотыла, и тут же уткнулась мордой в песок.

– Есть одна, – радостно улыбаясь, появился из за угла, Леха Кабанов.

– Ты – придурок, « кабан», – простонал « боцман»,

– Эта собака стоит больше, чем ты вешишь!

– Да ну, – опешил Леха.

Жуй гну!, рявкнул «боцман»,

– Лис, что делать то?

– Да ни хуя не делать, – отвечаю я,

– Шкуру долой и в котёл. Рядом резко хлопает выстрел СВД.

– Ты ёбнулся? -хором спрашиваем у снайпера.

– Я то чё, она сама, – оправдывается тот. И правда, при беглом осмотре выяснилось, на предохранителе не стояла, и теперь гильза есть, собаки нет, вернее есть, а показывать труп собаки – сам трупом станешь. Думали недолго, пришлось звать Сайдали.

«Сандаль», слушай меня, начал « боцман»,

– Денег хочешь? Тот кивает.

– Значит так, нужны дохлые собаки, хотя бы пара, надо просто.

– Два сомон, – Сайдали для утвердительности показывает два пальца.

– Слышь, снайперюга хуев, – обращается к разведке «боцман»

– Есть деньги?

– Есть, – обреченно вздыхает тот, и лезет во внутренний карман. «Боцман» не унимается:

– Тебя Миня на куски рвать будет, будешь толчки мыть по всему полку, так что жопа на кону, это точно, давай не скупись. В итоге, отобрав у Лёхи целый косарь, «боцман» продолжал:

– Значит так, упырь, сейчас денег не дам, собак тащи, и по списку ещё, остальное в счёт долга с меня спишешь, и насвай принеси. Сайдали пулей летит к забору, оживленно машет руками, и уже через полчаса возникает дилемма. Перед нами помимо пакетов с водкой и закуской, пять дохлых свежих собак. Разведчик оглядел мутным взглядом труппы собак и выдал:

– У меня гильз столько нет.

– Шас поправим, – заявляет «боцман», забирает у него винтовку и делает с небольшим интервалом пять выстрелов, причём в забор, местных бачат сдуло, словно ветром. Наступила тишина, даже цикады и те заглохли. Через минуту возле нас уже было все начальство. Пять мёртвых собак, в наличии пять гильз, три пьяных тела, пакеты успели заныкать, и то хорошо. Миненков молча смотрел на картину « Охотники на привале», и, наконец, выдал:

– Всех на губу, СВД сдать, замполиту – выговор, командирам разведроты и ИСР – выговор в дело, а ты, – он тыкает в меня пальцем,

– Вечером в штаб, придурок. Мы разворачиваемся и идем в сторону парка, где и находится славная наша губа. Начкар, первым делом задал резонный вопрос:

– Записка об аресте есть? Мы дружно замотали головами.

– Нет, тогда идите на хуй отсюда, – напутствует начкар.

– И куда? – опешив, спрашиваю я.

– В город идите и не отсвечивайте, вечером на поверку придёте и все, – объясняет нам офицер. Через дальние ворота парка выходим на улицу города, конечно вот она местная забегаловка и никуда идти не надо, тормозим тут.

– Ну, братка, – успокаивает разведчика «боцман»,

– Добро пожаловать в саперную роту.

Завалившись в одну из многочисленных таверн востока, я увидел в углу бородатых мужиков, с автоматами, они, лениво скользнув взглядом по нам, продолжали трапезничать.

– Проходи, чего встал то? – бурчит « боцман»,

– У них – своё, у нас – своё, друг другу не мешаем и ладно. Я послушно сел за колченогий стол, за столь короткое время я уже ничему не удивлялся, если честно. Бородачи, судя по запаху из пиалушек, пили явно не одобренный аллахом напиток, и были счастливы. «Солдат он и у моджахедов солдат» -, подумал я, наливая местную водку, причём настоящую, как утверждал хозяин забегаловки.

Из России арак везли, бил он себя кулаком в грудь и вытарачивал глаза.

– Из России, так из России, – усмехнулся Женька, сворачивая припаянный полиэтилен и, отвинчивая пробку из под пепси колы.

– Давай, братва, за нас, бедолаг, ни отпуска, ни дембеля! Дали, и так дали, что через час бородачи сидели уже с нами, и пьяный Женька «боцман» самого пожилого допытывал просьбой: « Дай стрельбану!», и тянул руки к АКМ. Тот, скаля зубы, пытался чего-то спеть по своему, разведос от жары и от водки просто спал, я же мучительно думал, каким бортом меня отправят назад. Но реальность превзошла все ожидания. В ошхону зашёл подполковник Миненков. За каким и на кой, история умалчивает, но мы протрезвели в момент. Комполка с минуту молча смотрел налитыми кровью глазами на нас, но ничего не сказав, просто молча вышел из- под навеса. Не знаю, может у него там была назначена встреча или ещё что, но эта

история не имела продолжения, причём никакого. Утром, уже в куртке, я проснулся не то, что с больной головой, вообще никакой. Рядом сидел Орябинский и, усмехаясь, протянул банку «Балтики»:

– Да, ну вы и дали вчера с «боцманом», вас вообще моджахеды принесли, у КПП положили и вас потом по приказу Мини в роту.

– А чё это он такой добрый? Я просто отмахиваюсь и жадно выпиваю предложенное пиво.

Пошли, невесело говорит «Оряба»,

– Тебе автомат выдать надо.

– Да на хую его видел, – отмахиваюсь я.

– Пойдём, подпись поставишь и все, в военник «толкушку» надо тоже, и главное, – Орябинский весело подмигивает:

– Памятку получишь « о запрещении одиночного купания». Я поперхнулся остатками пива,

– Где? Купаться? Вы тут ебанулись?

– Тут своя ёлка, Толяныч, -усмехается Серега,

– Поэтому пойдём и не трещи, делай что говорят и ладно. В общем весь день я расписывался за каждую хрень, и за получение всякого и нужного обмундирования в виде противогаза, валенок, и овчинного полушубка, который задолго до второго пришествия Миненкова на свет, был продан вкупе с остальными ушлым зампотылом, естественно предшественником нашего нынешнего чистейшей воды пидо... человека. Все это я узнал от Кости Горины, нашего старшины, который в кой- то веки почтил нашу роту, с целью чего там вымутить, но влетел в наряд по столовой.

– Пошли ко мне помдежем, хули тебе в роте делать? – предложил он, а я сдуру согласился, о чем пожалел сразу. Принимали столовую у прапорщика Дургоряна, что вылилось в спор двух прапоров, кто, кому, сколько должен, а мы вдвоём вместе с таджиком сержантом тщетно пытались пересчитать тарелки, кружки и прочие прелести. В итоге приняли, плюнули и разошлись. Взводу пехоты поручили великое дело- наводить порядок и чистить картошку, а сами вышли покурить.

– Тут, Толян, все просто, все либо из за ~~выслуги, либо~~ из за бабок, платят копейки, но если с умом, то можно хапнуть не хило, – просвещал меня Костя,

– Я тебе о браке свидетельство сделаю, Нестерову на стол, и в город, там совсем другая жизнь.

– Другая – кивал я, в ожидании ужина. Но при виде, чего- то захотелось водки и в ошхону, запашина стоял – туши свет. Пока старшина принимал рапорты и заводил людей вернее мило-

стиво разрешал заводить, я катастрофически скучал по сух. пайкам. И невольно вспомнил про труп собаки:

– Ё- моё, она же в каптерке...

– Не ссы, – успокаивает меня Костя,

– Вечером хаш будет, пока вы фестивалили, Ванька все забабакать успел.

– Короче, дело к ночи, ждём ночера...

Вечером стартовал сабантуй за нашей любимой казармой, «сандадь» летал по территории со скоростью метеорита, казан распространял запахи, не сравнимые с вонью нашей столовой, народ подтягивался. Многие эстеты, которые брезгливо отворачивались при слове «собачатина», все же подходили с просьбой попробовать, и в конце концов, даже Коля Полуносов не выдержал:

– Хорош жрать, а то как чё, «не будем фу, собачатина», а на халяву и говна полный рот, в общем, идите в жопу. Тем самым ограничив приток халявщиков, мы решили приступить к трапезе. Только разлили по первой, нарисовался Бунегин, самый старый и самый пьяный, как всегда, из нашей роты.

– Здорово старый! – приветствовали мы его хором.

– Всем привет, – прохрипел старый и молча осушил предложенную кружку с водкой, закусив собакой вдруг ни с того ни с сего произнес:

– Я тут у штаба был, секретчику берцы шил, так он сказал, скоро танки погоним ахматшаху какому-то перегонять.

– Да ладно, – удивляется Плавин,

– У нас же мир, дружба, жвачка.

Так-то оно так, говорит старшина,

– Тут до вас случай был, банду одну прищучили по случаю, комполу в героя сыграть захотелось, так вот, у них в трофеях два миномета нашли. Нашли и нашли и хуй бы с ними, так нет, надо, сука, под камеры особистам сдать. Костя замолкает.

– Не томи, Костян, че дальше? -, не выдерживаю я.

А дальше, Костя усмехнулся,

– Особистам делать нечего, решили номера пробить и узнать откуда у бачей самовары, и пробили таки, оказалось, трубы наши, с нашего полка, списание прошли и утилизацию и бумаги все в порядке, и все в порядке, короче поставили раком всех, а компола на пенсию по тихой, это я к тому, -заканчивает старшина, что ну его на хуй эти подвиги, вот строевой смотр пережить – это подвиг, а за дебилами по горам бегать, пусть другие, а меня Катька в городе ждёт. Костя за время службы пригрел местную шалашовку из русских, что не успела,

или не захотела уехать, и жил с ней, а что удобно, дырка есть, заразы на винт не намотаешь. Захмелевший Юрец Бунегин припёр магнитофон и поставил кассету, судя по всему, военный шансон, но так то пофиг, конечно, но у Юрика вскоре начался фронтовой приступ.

Мы тут воюем, причитал он,

– А там нас никто не ценит, а мы Родину защищаем, под пули идём, на смерть, горы они такие, – продолжал Юрец, хотя дальше расположения никуда и не ездил. —Началось-, буркнул Вовка Иванов,

– Старый иди в жопу, достал уже Родиной своей.

– Ничего ты не понимаешь, малолетка, – не повышая голоса, скулил «Бунега»

– Мы первые смерть примем, на этом рубеже.

– Блядь, да налейте вы ему, пусть заткнется, -выругался старшина,

– И как такого алкаша на контракт взяли, хуй знает.

– Видать совсем плохо с кадрами, – отвечаю я.

– Ну не настолько же, возмущается старшина,

~~У нас либо тупиздни, типа Мамади либо вот,~~ он тычет пальцем в сторону Бунегина. Тот выпив кружку водки, ронял слезу под группу то ли «Отпад» то ли «Каскад», короче я в них не бельмеса, поэтому слушаю Костика.

– Если у нас мат. база не готова, нас поимеют по полной, у тебя, кстати, вещмешок укомплектован? -спрашивает он меня.

~~С какого перепугу? я даже опенил,~~

– Тогда на дизель в наряд надо, или в патруль, тебе оно надо сутки на плацу вялиться? Я мысленно соглашаюсь с ним, родной театр абсурда мне и на срочке надоел, а после контракта на Кавказе, как – то совсем не вдохновляет.

– Ладно, завтра смену сдадим, и в город, надо будет показать тебе все и вся – решает Костя, на том и порешили. Уже в казарме грустный дежурный материл всех и вся.

– Ты чего Егор? – спрашиваю я его мимоходом.

– Да козлы, опять придумали внезапную тревогу, каждую, сука, субботу и все внезапную, и все в мою смену, шторм двенадцать, мать их.

– И чего? – не догоняю я.

– Да ничего, полночи пиши, пол утра автоматы выдавай, потом принимай, хоть бы напали что ли, мы бы на радостях без оружия бы пизды дали, – мечтает Егор, и тут же без перехода:

– Ты партаки бить умеешь?

– Ну да, а есть чем? – ради любопытства интересуюсь я.

– Во блин, у меня машинка есть, давай после тревоги зайдешь, посмотришь? Егор даже оживился.

– Да я в наряде, вроде бы, – сомневаюсь я,

– Да забей, мы вас в тошнотике меняем, примем нормально, ты посуду посчитай, остальное – хрен с ним, на этом и договорились. Спать я ложился в полной уверенности, что моё саперное мастерство и главное опыт в этом полку как раз кстати, судя по преферансу в штабе, и теперь в татухах, вообще супер- карьера. Осталось замутить самогонный аппарат, усмехнулся я, но даже не предполагал, насколько я близок к истине.

Утром Нестеров порадовал меня тем, что снял с наряда и приказал готовиться к строевому смотру, О, великая и непреодолимая сила нашей армии, нет такого катаклизма, по разрушительной силе равному строевому смотрю. Ящики с мат. базой, бирки и кантики, все строго тридцать первой директивы ГШ, иначе все, мир рухнет, количество стежков, размер, и толщина букв, размер каждой мелочи прописан в этом шедевре Генерального Штаба, и конечно, хранится это все в таком величайшем секрете, что можно понести суровое наказание, об этом мне поведал старшина Костя, когда на листах с факсимиле «совершенно секретно», резали дыню, отжатую у пехоты.

Ты, Толянч, помни, если кому попало попадёт этот документ в руки, то нам крышка, как в войну диверсантов вычисляют? А, вот смотри, задержали мы бойца в патруле, по документам годок, а по виду душара, и поднива чмошная, и чё? Иди сюда, мой белый булка, то ли серьёзно, то ли в шутку говорит Костя. Я не спорю, у меня задача пострашнее, – отмазаться от строевого смотра.

– Кость, – канючу я,

– Ну его в жопу, смотр этот, я не хочу.

– Тады тебе в санчасть надо, – глубокомысленно делает вывод старшина, пойдём к Оксанке, она баба своя, сделает. Мы доедаем дыню, мокрые секретные бумаги полетели в урну, и через пару минут мы в курилке у медиков.

– Давай, посиди тут, – говорит Костя, – я щас. Ну щас так щас, сию люблюсь рыбками в бассейне у мед. роты, рядом сидят кандидаты и с мечтой в глазах живоописуют прелести Душанбинского госпиталя.

– Не ну а чё, хавки валом, спи сколько хочешь, чипок есть, вообще зыканско, роняя слюни, говорил один, я там скорпиона доделаю, да и от дурки отдохну, да геморрой вырежут, это фигня. Казалось, что госпиталь – это предел его мечтаний. А насчёт скорпиона- все просто, многие притаскивали эту хрень, заливали эпоксидной смолой, и потом часами обтачивали, хотя такую же байду можно было купить на рынке за дирaмы.

– Пошли, – машет мне Костя от дверей санчасти, захожу в кабинет, девчонка в меру пухлая, с веселыми живыми глазами резко отличалась на общем фоне.

– Что у тебя болит? – спрашивает она с ходу.

– Ничего, – пожимаю я плечами.

Значит будет, как – то уверенно говорит она, и ставит какой-то штамп,

Всё, у тебя грибок, и грыжа, радостно ставит она мне диагноз.

– Может не надо, как то неуверенно говорю уже я.

– Глохни, а то «гравидитас» поставлю, всю жизнь мучиться будешь, – уже откровенно хохочет Вахракова.

– Чё это? – ничего не понимая, спрашиваю я.

Это, мой новый друг, беременность по латыни, так как,? – она с насмешкой смотрит прямо мне в глаза.

– Хрен с ней, пусть будет грыжа -соглашаюсь я. Однако, командир роты скептически отнесся к диагнозу, но все же решил.:

– Скройся на время смотра лучше в патруле, а так, конечно же, тебя в строй – греха не оберешься, ты лучше скажи на кой хрен ты приехал?

– С военкомом бухать меньше надо было, – отвечаю я и злюсь больше на себя, чем на пропойцу майора Лапина.

– Ладно, завтра заступишь в патруль, напутствует меня ротный, и я топаю мимо всех в расположение танкистов, благо в одной казарме живём. Грустный Егор, молча пожал руку, и сунул в руки чудо инженерной мысли – машинку для порчи кожи, из моторчика, ручки от столовой ложки, и гелиевым пустым стержнем, вместо иглы или струн, проволока – полевка. Также молча вручил мне каталог татух и спросил:

– Могешь?

– Могешь, – уверенно сказал я и добавил:

– Перерисовывать не буду.

– И не надо, в зенитке Пашка может, я щас. И убежал, я остался ждать некоего Пашку и сетовать на превратности судьбы.

Зенитчик Пашка оказался вертлявым и щуплым малым, чей талант художника как раз и раскрылся в армии.

Ну, чё у тебя? сразу приступил к делу Павлик.

Надо вот, Егор показывает на руку, где среди непонятных синих линий проглядывало некое лицо, по замыслу человеческое, а по исполнению..

– Пикассо, бля, -только и смог я сказать. Паша задумчиво покрутил головой и произнес:

– Орнаментом захерачим, давай я вечером займусь. Пожали руки и разошлись. От нечего делать потопал за казарму, где в душевой на улице, сидели наши и пили баночное пиво.

– Панасенко в штаб вызвали, сообщает мне новость Плавин.

– И на кой? -лениво переспрашиваю я его.

– Завтра технику переводить будем, Плавину, как водителю дежурной машины, которая никуда не гоняла вообще плевать.

– И куда переводить то? – наивно интересуюсь я.

– С зимы на лето, или с лета на зиму, а так вообще похуй, Плавин запускает банку за маск. сеть.

– Плавин, твою мать! – Нестеров появляется не пойми откуда.

– Завтра я вам ПХД устрою, тем более суббота, я надеюсь, ты меня понял? Ротный разворачивается и, заметив своего друга, химика, спешит к нему.

– Хуя все, – только успеваешь проговорить Вовка,

– Не ссы, завтра бачатам сомон дадим и помойки вылижут, -успокаивает Плавина его тезка, но по фамилии Иванов. Прострадав херней до вечера, идём на построение. На плацу все, задние ряды усердно плюются насваем, от чего на асфальте вокруг зелёные пятна.

– Во блин, – опять, недовольно бурчит Плавин. И точно, началось «в походную колонну». «повзводно», и мы пошли с песней. Умилился первый бат, составленный сплошь из местных аборигенов. Они хором грянули про русские поля, березки тополя. И апогеем всего, химики, командир Курапов, ростом до груди каждому из своих химиков, количеством из двух человек, просто остальные пять были в наряде. Протопав по плацу, уже у казармы, Шевелев Валера предлагает:

– Махнём в город? Ротный у Курапова, Панасенко по хрену, пошли, – уверенно говорит Валера.

– Ладно, – говорю,

– Давайте, дуйте, я вас найду- говорю я,

– И правда, мне же к танкачам надо.

Ну ну, и где ты нас искать будешь? скептически спрашивает Валера,

– Кабаков – до жопы, чё в каждый заходить будешь?

– Блин, Валера, давай забьем, – предлагаю я, я в лёгкую вычислю вас.

– Давай, Кабанов, разбивай! На том и порешили. Парни вышли на гульчик, я же пошёл к Пашке с Егором, пока обсуждали где, что и как бить, пока Пашка предлагал варианты татуировок, прошёл почти час.

– Ладно, парни, я к нашим – говорю я.

– Они опять в городе? -спрашивает Егор.

– Ну да, тут то хули делать – отвечаю я ему.

– Хуя, однако завтра смотр, а вы в город.

Ну, не война же успокаиваю я Егора.

– Лучше бы война, дурдома бы не было, -на прощание говорит Егор.

– Поверь, его было бы больше, – разочаровываю я его и бегом в город. Выйдя из КПП, пытаюсь сообразить, где наши. Иду по улице, среди местной музыки, типа « одна палка, два струна.» из одной ошхоны уверенно слышится «Владимирский централ, ветер северный,» в тему песня, прохладная такая, захожу -точно, джентльментский набор, и удивленные глаза Валеры:

– Ты как нас нашёл?

– Не хуй берцы снимать – бурчу я,

– По запаху, штрафную давай....

Ночь обещала быть долгой, Леха Кабанов, забыв про свою глухоту, бодро подпевал Кругу, и в местах даже попадал в ноты, мы же ждали старшину с обещанными блядьми, но тут..

– Вы что охренели? -В проеме стоял сам ротный Нестеров и его друг Курапов, химик тянул ротного за рукав и приговаривал:

– Леха, ну их в жопу, пошли, нас мужики ждут. Нестеров посверкал глазами, но видно простав – дело святое, поэтому он решил расправу с личным составом отложить на время, погрозив нам кулаком, он в сопровождении своего друга, наконец-то ушёл.

– Завтра мозг весь выебет, -произнес Шевелев, и выпив пиалушку водки, решил:

– Да похуй, пляшем. Не успев осознать всю глубину нашего морального падения, как появился старшина в сопровождении своей походно -полевой жены Катьки. Та была, ну как бы сказать, очень на любителя, причём неизбалованного, и очень пьющего любителя.

– Привет Валера, – поздоровалась она с Шевелевым, как со старым знакомым.

Кто бабцов заказывал? все почему-то посмотрели на меня. Я прикинул ситуацию, потом кивнул и сказал:

– Заводи! Катька завела, посмотрев с минуту на это безобразие, то ли в штанах, то ли в юбках я прохрипел:

– Костя, водки! Тот понимающе кивнул, меня подташнивало несколько от паленой водки, сколько от запаха этих нимф востока. Костя понимающе кивнул, и произнес:

– Парни, поехали в баню, шас Ака нам такси вызовет. Надо заметить, что обрета свободу и независимость, brave соманиды также отринули от себя рабскую привычку мыться, а бани остались, но, в основном, их посещали с нашего полка, и немногие местные, которые ещё не до конца отаджичились. Вскоре возле опшаны остановилось нечто, в прошлом это был, наверное, москвич, но сейчас, умелые руки таджикских мастеров, превратили это в транспортное средство без капота, дверей и стёкол, рабочие две двери гостеприимно распахнулись. За рулём сидел... Сайдали, сам, собственной персоной.

– Эй, Плявин, ти мне дольжен, – протянул Сайдалишка.

– Иди на хуй, «сандадь», – спокойно ответил Вовка, усаживаясь рядом. Кое-как восьмером усаживаемся в машине. Москвич рывком, выпуская клубы чёрного дыма, тронулся с места, через минуту в ночном Кулябе раздался рев.

– Э, труба упала, – запричитал Сайдали, имея наверное ввиду глушитель.

Не есь кричал Плявин, я тебе таких труб до хуища дам! Таджик недоверчиво косился на Вовку, а тот продолжал орать:

– Зуб даю, у меня этих труб – во! Он хотел показать сколько, но не мог, поэтому уточнил:

– До хуя вообще.

– Это сколько? – решил уточнить «сандадь».

Это больше, чем до ебеней матери, уточнил Вовка, и вынес приговор:

– Теперь ты мне должен, обезьяна. До бани доехали без особых приключений, в багажнике у Сайдали было все для банкета, и он таки начался. Катька повела своих товарок мыться, а мы окунулись в бассейн и решили обсудить главное.

Костя, мы на винт не намотаем? задаёт законный вопрос Плявин.

А ты на клька дай, резонно замечает Костя.

– Знаешь, сам и давай, -злюсь я, и говорю:

– Я не буду, деньги только на ветер.

– Ну и куда их девать? – опешил слегка старшина.

– Пехоте перепродай, – замечает Плявин, я видел они в карауле сегодня. Сказано-сделано, Костя написал записку начкару и Сайдали увез в сторону части подарок, причём вместе с Катькой, которой Костя выписал пинок для ускорения.

– Ну а теперь, за строевой смотр, и за шторм двадцать, – произнес старшина, когда ревущий болид Сайдали затих вдалеке.

Утро было печальное, на плацу, под ласковым таджикским солнцем дурел весь личный состав полка. Перед каждым бойцом, как на хреновом рынке, лежал вещмешок, перед вещмешком – тряпка, обязательно зелёная, с кучей кармашков в коих было все, нитки иголки, пуговицы и основа основ- подворотнички, не менее двух. И бирки, бирки повсюду, это главное. Ротный Нестеров непонимающе смотрел перед собой, отходя после проставы. Кабанов, закинув насвая, красный, как рак, стоял в первых рядах и окончательно оглох, поэтому нач. штаба просто вздохнул, когда пытался спросить что-то и махнул рукой. Плавин истекал потом, и молча завидовал мне и «Ваньке», то есть Иванову Вовке, за наше гасилово в наряде. Панасенко с обреченным видом стоял у открытых ящиков, именуемых мат. базой. И началось. Бодро отдав рапорт о наличии по штату, списку и вообще и в частности личного состава, ротный подзавис. У нас, оказывается, штат даже переполнен, помимо штабных девушек, у нас на должностях были жены, подруги жён и не только, а также очень много ветеранов с невыговариваемыми фамилиями, но они есть, хотя в строю стояли полторы калеки. Начальник штаба проверил все лично, даже кантики на затылке и, не долго думая, командует:

– Правый ботинок снять! Зря он это сделал, тёплый ветерок сразу принёс лёгкий аромат даже до дизеля, где в тени я и Ванька играли в нарды.

Почему воняет? я вас спрашиваю!

– Это вопрос к Плавину. Вовка от жары обалдел настолько, что рубит, не думая.

– Пока вас не было, не воняло! Пауза, бравый подпол делает вид, что ничего не случилось и продолжает:

– Почему носки не по уставу? Вовка смотрит себе на ногу, вернее на носок с бабочками и отвечает, не думая:

– Чё было, то и купил!

– Растегнуть китель! -уже звереет нач. штаба, и попадает в цель, ибо у Плавина, как и у многих, тельняшка вместо майки. Выдерживая паузу, подполковник чётко произносит:

– Насколько я помню, тельняшка надевается в двух случаях, но что-то я парашюта, или корабля не вижу, и ласт не вижу. Нестеров, после смотра жду вас у себя. На этой жизнеутверждающей ноте для нашей роты праздник закончился. Но при возвращении выяснилось, что потеря ящика с мат. базой – ничто, по сравнению с потерей штатной книги. Серёга Панасенко долго и пристально смотрел сначала на нас, потом задал вопрос:

– Ну и где? В курилке зависла тишина, вся прелесть была в том, что ротный отдал «штатку» взводному, взводный ещё кому-то, тот тоже отдал.

– Проебали, – вздохнул Бунегин,

– Надо новую делать, а лучше сразу штуки три, про запас. Сука, если не найдёте «штатку», сгною на хуй, – начинает закипать взводный. Все дружно начинают вспоминать, где, кто и когда её видел. От похищения инопланетянами и диверсантами отказались сразу, гемор-

роя больше, признаться, что проебали – тоже не вариант. Версия, что украли, чтоб подставить командиров, конечно, имела место быть, но то, что в неё поверят как – то не очень верилось. Вызвали и нас с Ванькой на совет. Ванек, не долго думая, вынес приговор:

– Надо в разведку переводится, пока не посадили вместе с вами, а так что могу сказать, искать надо. И поиски начались. Искали везде, но мысленно, не выходя из курилки, перебрали все, и не нашли. Паники добавил Нестеров, придя от нач. штаба, он, построив всех кого поймал, объявил нам кто мы, что мы, и что с нами будет, завершил это тем, что вечером его со штатной книгой, планом работ на месяц и с журналами по работе и заботе о личном составе ждут на запланированную случку в штабе.

– Нет, Лёха, у нас «штатки», ~~загробным голосом произнес Панасенко, про..~~ Потеряли короче.

– Кто? -казалось ротного хватит кондрат,

– Ищите, на хуй, бегом!! -начинал он орать, ситуация накалялась и не понятно чем бы все закончилось если бы из казармы не появился «боцман».

– Это, -начал он, чифирить будем, или че?

– Иди в жопу, « боцман», – орёт ротный, у нас штатная книга пропала!

– Это красная такая? « Боцман» – сама невинность.

– Ну.. неуверенно как то, боясь спугнуть чудо, говорит Панасенко.

– Шас, -произносит «боцман» и исчезает, чтобы через минуту появиться с красной книгой, по центру лицевой стороны был вздутый круг от влаги.

– Я ей банку накрывал, чтоб чай запарился, -поясняет он. Все молчат, и тут тихий голос ротного:

– А чё, больше накрыть банку нечем?

– А я ебу? Мне дали, а я думаю, куда её, ну думаю, после отдам, чё уж теперь, -спокойно объясняет « боцман»

~~Всё, больше никто в город не идёт, я запрещаю,~~ выносит приговор ротный. Мы дружно киваем, а Ванька даже добавляет:

– Правильно, совсем порядка нет, совсем охренели, козлы!!!

– Иванов – старший, доложишь вечером кто, где, – отдаёт приказ ротный, и вместе с Панасенко уходят в канцелярию составлять план работы с нами на месяц.

– Так, парни, сегодня где жрать будем? У Зинки или у Алишки? – спрашивает Ванька после того, как все смотались.

Пожрать не удалось, после смотра «отец родной» вышел из штаба и направился в сторону клуба, а по пути, вернее между этими объектами, находился дизель, о, благословенное место саперной роты. Дизельный генератор, и КУНГ рядом с ним.

А в этом КУНГе, изнывая от духоты, я и Ванька рубимся в нарды. Картина обыденная, поэтому Миненков, ни слова не говоря, проследовал в мед. часть. Надо заметить, что славные и гордые потомки соманидов, обретя свободу, прежде всего, обрели свободу от всех благ цивилизации, поэтому отключение света было у нас как «с добрым утром». Уникальность Президента этой страны была в том, что он по приезду к нашему папке выпросил денег на пожрать для народа, а когда деньги дали – забубенил в Душанбе аквапарк, памятуя, что не хлебом единым жив человек. Не успели мы с Вовкой Ивановым закончить партию, как со стороны мед. роты раздался рев, нет даже не рев, это было круче, чем ревун при тревоге.

Я в роту, проговорил Ванька и испарился. Мне ничего не оставалось, как выйти из КУНГа и прислушаться. Если откинуть в сторону интерпретацию командира о происхождении видов человека, то выходило страшно интересное. Один из то ли прапоров то ли офицеров, будучи в наряде, пошёл справлять нужду в один из туалетов и, сняв штаны, не заметил, как табельный «Макарка», сволочь такая, упал в дырку, а так как хозяин пистоля был немного в расстройстве от количества выпитого, то где, и в какой дырке, он не помнил – хоть убей. А так как, не придумав ничего нового, он пришёл к начмеду с просьбой отправить его в госпиталь с подозрением на невменяемость, начмед позвонил командиру... Заткнулись даже цикады. Слушая новый взгляд командира на происхождение человека, причём конкретно взятого человека, я вдруг осознал, что Дарвин, по сути, глуп и недалёковиден, ему бы, Дарвину то есть, в армии бы хоть пару лет, он бы...

На рёв Миненкова, к мед. роте потянулись офицеры штаба и прочие, в один миг, палаты опустели, чудесным образом излечилось все, от грибка до геморроя.

Майор Давлятов! орал Миненков,

Излечить этого... Вернуть память! Найти пистолет, вставить в жопу планшмя, и проверить! В противном случае, я... Короче вы поняли! Сапер! заорал он, увидя меня,

– Ко мне, бегом! Я как был в тапочках, так и подошёл.

Этого, он ткнул в бедолагу пальцем,

– На дизель к себе и охранять, Выполнять! Сказано – сделано, я молча с суровым видом беру его за рукав и веду в КУНГ. Через минуту, чеканя шаг, в штаб проследовал командир полка, за ним вся свита, у всех на лицах была вселенская озабоченность судьбами Родины и своей в частности. Совецание началось, мимо меня торопились офицеры, придерживая планшет и, показав мне кулак, помчался Нестеров, потом Панасенко. Один взводный Медведев, будучи одной ногой в госпитале у будущей жены, просто зашёл ко мне в КУНГ, оглянулся и произнес, кивая на виновника торжества:

– Водки ему дай, вишь как трясёт.

– А где взять, вернее на что?, -ответил я, ибо подъемные кончились, а про гильчики даже на гильчике ещё не знали.

– На, потом отдашь, Макс протянул мне несколько сомонов.

– Дуй быстрее, а то этот ласты склеить может. Я за пять минут добежал до ларька в городке, где взял литр, и лимонад, ну и в долг пару пачек «пайна», ибо с сигаретами туговато. По возвращении услышал то, чего ни в одной армии мира, наверное, нет.

– Тебе пистолет в наряд дали, не для того, чтоб было, а чтоб не проебал, – говорил Медведев,

– Ты когда срать идёшь, возьми шнурок, и на шею его вешай, или вообще возьми справку, что к караулу не допущен, а то один голову прострелил себе в кабаке, ты в говне утопил, так хрен отпишешься. Случай, о котором упомянул Максим, был с нашим саперным ротным, бухая под тентом, он выстрелил в воздух, и пуля, отрикошетив от верхней дуги, прямо в черепушку, в итоге труп, случай один на миллион, но что было, то было.

Принёс? спрашивает Медведев, увидев меня. Я кивнул.

– Наливай, ему – первому, Макс протягивает стакан,

Мне не надо, я язвенник, – вздыхает Максим и прикладывается к горлышку бутылки, после нескольких смачных глотков, он передаёт бутылку мне, я допиваю, закуриваю, и Макс голосом следователя говорит:

– Продолжим реконструкцию событий,
Итак, ты куда пошёл с пистолетом? грозным голосом вопрошал Медведев.
– Вот именно! – поддакиваю я.

Заткнись!, это уже мне,

– Где пистолет? -а это уже опять у провинившегося. Тот мучительно пытается вспомнить, но безрезультатно.

– Налей ему, Лис, – говорит взводный, и продолжает:

– Где пил помнишь? Тот кивает, и молча выпивает предложенную мною кружку.

Ну, соберись давай, говорит Медведев, и вдруг, обращаясь ко мне, предлагает:

– А давай мы его током ёбнем?
– Его Миня один хрен с говном сожрет, чё мучиться? Я смотрю на это всё философски.

– Не, Макс, сейчас если не найдут, на рынке у бачей купят, номер перебыют, и вся песня, кому такой залет нужен.

– Правильно, никому, -соглашается Медведев,

– За это и выпьем! Пока суть да дело, совещание длилось уже второй час, на территории части затихло все, я уже ещё раз дошкандыбал до ларька, где затарился, как говорится, по полной. Не успеваю я выложить все из пакета, как в КУНГ влетает ротный:

– Так, бегом, в роту за «штаткой», – командует он мне.

А позвонить не судьба? остужаю я немного его рвение.

– Я сказал бегом, туда и обратно, -ротного, походу, переклинило. Я выхожу из КУНГа и просто стучу в торцевое окно.

– Чё тебе, Толян? – слышу голос секретчика Лёхи.

– Будь другом, позвони к нам в казарму, пушай «штатку» припрут, а то у нас ротного кондратий хватит.– прошу я его. И точно, через пару минут примчался Ванька, передал красную книжку ротному и заглянул в КУНГ.

– Вы бы хоть проветрили, – ворчит он, разгоняя клубы табачного дыма.

– Я в роту, построение будет, опять всех раком поставят, – Ванька выругался тихо матом и хотел ещё что-то сказать, но просто махнул рукой и убежал. Тем временем на плацу собирались подразделения нашего славного полка. Пашка зенитчик, сплевывая насвай, показывал мне, что машинка на мази, и он все перерисовал. Я жестами показывал, что вечером надо собраться на дизеле. За конвульсиями наблюдал майор Давлятов, вышедший, как всегда, из штаба не вовремя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.